(Продолжение. Начало в № 9 от 13.03.2019)

Газета «Вести» продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию. Героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

Сегодня вниманию читателей представляется письмо дворянина, мичмана Николая Алексеевича Фесуна его превосходительству начальнику Морского корпуса Богдану Александровичу Глазенапу.

Вячеслав Скалацкий

«…Ваше превосходительство были в Камчатке, а следовательно, знаете Никольскую гору: имея большую высоту, все тропинки на нее чрезвычайно круты, в особенности же спуски к озеру. Командир 2-й стрелковой портовой партии поручик Губарев, как уже говорил я, занимал возвышенность.

Видя, что неприятель, выскочив на берег и бросившись по низменной дороге, начал строиться на возвышении против батареи на озере, он, Губарев, спустился с высоты, рассчитывая, что его помощь необходима при малочисленности наших отрядов, и не замечая, что с другой стороны вторая половина неприятельского десанта, несмотря на крутизну тропинок, бросилась в гору. Положение губернатора было более нежели критическое. Зашедши в гору, неприятель рассыпался по всему ее протяжению до перешеечной батареи. Другая часть его уже выстраивалась против батареи на озере и осыпала всю лощину градом пуль и ручных гранат. Отдав лейтенанту Анкудинову и мичману Михайлову решительное приказание «сбить англичан с горы», генерал-майор Завойко послал на «Аврору» с просьбой к капитану отрядить еще 2 партии для прервания неприятельской цепи, распространившейся по возвышенностям.

Оставив при себе всего 30 человек резерва, он двинул 3-й портовый отряд на высоту с той же самою целью, и так как строившийся против Озерной батареи неприятель

представлял довольно большие массы, то командир этой батареи и отдал приказание стрелять картечью. Исполнение этого вместе с действием конной пушки произвело смещение в неприятельских рядах и отбросило его в гору, с другой стороны которой бесстрашные исполнители смелой воли лейтенант Анкудинов и мичман Михайлов, рассыпав свои отряды цепью и соблюдая равнение в парах, как на ученье, продвигались наверх, несмотря на неумолкаемый ружейный огонь засевшего там неприятеля.

Капитан еще до получения приказания, слыша на горе выстрелы, велел свезти на берег 30 человек 1-й стрелковой партии фрегата, которую и дал мне в командование с поручением: взобравшись на гору, ударить на десант в штыки. Подойдя к неприятелю на ружейный выстрел, я рассыпал отряд в стрелки и начал действовать; но, поднявшись выше в гору, слыша у себя на правом фланге «ура» партии прапорщика Жилкина, заметив значительное скопление французов в лощинке, наконец, желая покончить дело разом, я скомандовал «вперед в штыки», что, будучи исполнено с быстротою и стремительностью, обратило неприятеля в бегство.

Между тем и в это же время наши отряды торжествовали на всех пунктах, и лейтенант Жилкин с 3-й стрелковой партиею и лейтенант Скандараков с 4-й гнали по гребню ту часть, которая была у меня на левом фланге, и стреляли по фрегату. Бегство врагов – самое беспорядочное, и, гонимые каким-то особенным паническим страхом, везде преследуемые штыками наших лихих матросов, они бросались с обрывов сажень 60 или 70, бросались целыми толпами, так что изуродованные трупы их едва успевали уносить в шлюпки.

Окончательное действие сражения по всему протяжению горы было дело на штыках. Лейтенант Анкудинов, мичман Михайлов, поручик Губарев и вообще все начальники стрелковых партий получили благодарность губернатора за то, что, по, его словам, совершили беспримерное дело – отражение французско-английского десанта, вчетверо сильнейшего.

И в самом деле, всякому военному покажется невероятным, что маленькие отряды в 30 и 40 человек, поднимаясь на высоты под самым жестоким ружейным огнем, осыпаемые ручными гранатами, успели сбить, сбросить и окончательно поразить тех англичан и французов, которые так славились своим умением делать высадки. Нужно было видеть маневры лейтенанта Анкудинова, нужно было видеть мичмана Михайлова, нужно было видеть, как они вели свою горсть людей, чтобы понять ту степень бесстрашия, до которого может достигнуть русский офицер, воодушевленный прямым исполнением

своего долга. Проходя со своею партией мимо князя Александра Максутова, которого несли в лазарет, лейтенант Анкудинов, считая его убитым, обращаясь к своим, сказал: «Ребята, смотрите, как нужно умирать герою». И эти люди, идущие на смерть, приветствовали примерную смерть другого восторженными оглушительными «ура», надеясь так, как и он, заслужить венец воина, павшего за Отечество.

Энтузиазму, одушевлению всех вообще не было пределов; один кидался на четырех, и все держали себя так, что поведение их превосходит похвалы.

Но обращаюсь к рассказу. Сбросив неприятеля с горы, все стрелковые партии, усевшись на обрывах, поражали его ружейным огнем, когда он садился в шлюпки, так что, несмотря на 5 гребных судов, шедших на помощь с корвета, все было кончено, и нападение не повторилось. Заметив, что стрелки наши раскинуты на высотах, бриг подошел к берегу на расстояние 2-х кабельтовых и стал стрелять по нам ядрами и картечью, но последние, не долетая, а первые, перелетая, не причинили людям никакого вреда. Мы же не оставались в бездействии и при выгодах своего положения могли бить неприятеля на выбор, пока он садился и даже когда он уже сидел в шлюпках.

Страшное зрелище было перед глазами: по грудь, по подбородок в воде французы и англичане спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах раненых и убитых; пули свистали градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы видели английский баркас сначала битком набитый народом, а отваливший с 8 гребцами; все остальное переранено, перебито и лежало грудами, издавая страшные, раздирающие душу стоны.

Французский 14-весельный катер был еще несчастнее и погреб назад всего при 5 гребцах. Но при всем том и при всей беспорядочности отступления удивительно упрямство, с каким эти люди старались уносить убитых. Убьют одного – двое является взять его; их убьют – являются еще четверо; просто непостижимо. Наконец, все кончилось, и, провожаемые повторенными ружейными залпами, все суда отвалили от берега и, пристав к пароходу, на буксире его были отведены вне выстрелов; фрегаты и бриг последовали этому движению, так что в 1/2 1-го ни один из них не был ближе 15 кабельтовых расстояния.

В час ударили отбой, и, спустясь с гор, все мы собрались к пороховому погребу, где, опустясь на колени вместе с губернатором, благодарили бога сим за дарованную им

славную победу, принесли убитых и раненых – наших и врагов, и что же: между убитыми неприятельскими офицерами найдено тело начальника всего десанта, – так по крайней мере должно полагать по оказавшимся при нем бумагам. Сведения, заимствованные из бумаг этих, показывают число десанта в 676 человек, не считая гребцов в шлюпках и подкреплений, с которыми всех на берегу было с лишком 900 человек.

Все наши стрелковые партии, бывшие в деле, в соединении не представляли более 300, так что победу должно приписать особенной милости божей и тому увлечению, той беспримерной храбрости, с которою наша лихая команда действовала в сражении на штыках.

Трофеями был английский флаг, 7 офицерских сабель и множество ружей и холодного оружия. Много было оказано подвигов личной, примерной храбрости, многое заслуживает быть сказанным, но пределы письма и время, оставшееся до отъезда курьера, не дозволяют мне этого, и я заключаю свои описания, сказав, что неприятель, исправив повреждения, 27 августа к 8 часам снялся с якоря и, поставив все паруса, ушел в море.

Признаться, нам долго не хотелось верить: мы боялись, не обманывают ли нас глаза, но это было так. Порт освобожден от блокады, город спасен, бог помог нам, и мы победили.

Ваше превосходительство, надеюсь, извините мне маленькую беспорядочность моего письма. Времени так мало, что я едва поспел написать к родным, к которым беру смелость просить Вас переслать прилагаемый при этом портрет мой и письмо.

Если мой младший брат Александр поступил в корпус, то, надеюсь, он заслужит лестного для себя внимания Вашего и постарается быть тем, что должно ожидать от мальчика его лет и воспитания.

Примите уверения в глубоком уважении и преданности, всегда готовый к услугам Вашего превосходительства.

Николай Фесун»